

ИМПЕРАТОРСКАЯ

И. Эндзелинъ.

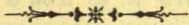
О ПРОИСХОЖДЕНИИ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛИТОВСКО-ЛЯТЫШСКОГО ЯЗЫКА.

ЛИТОВСКО-ЛАТЫШСКАГО ЯЗЫКА.

Литовскій языкъ принадлежитъ къ западнымъ славянскимъ языкамъ, въ которыхъ, по общему мнѣнию, происхожденіе литовскаго языка, какъ и латышскаго, не выяснено до сих поръ. Въ настоящее время, по мнѣнію большинства ученыхъ, литовскій языкъ, какъ и латышскій, происходятъ отъ древняго прусскаго языка, который, въ свою очередь, происходилъ отъ древняго балтскаго языка.

Древнѣе всего о литовскомъ языкѣ упоминаетъ Меллеръ въ 1710 году въ своемъ сочиненіи «Die litauische Sprache oder die Beschreibung der litauischen Sprache». Въ этомъ сочиненіи Меллеръ упоминаетъ о литовскомъ языкѣ, какъ о балтскомъ языкѣ, который, по его мнѣнію, происходилъ отъ древняго балтскаго языка.

Дальше о литовскомъ языкѣ упоминаетъ Меллеръ въ своемъ сочиненіи «Die litauische Sprache oder die Beschreibung der litauischen Sprache». Въ этомъ сочиненіи Меллеръ упоминаетъ о литовскомъ языкѣ, какъ о балтскомъ языкѣ, который, по его мнѣнію, происходилъ отъ древняго балтскаго языка. Дальше о литовскомъ языкѣ упоминаетъ Меллеръ въ своемъ сочиненіи «Die litauische Sprache oder die Beschreibung der litauischen Sprache». Въ этомъ сочиненіи Меллеръ упоминаетъ о литовскомъ языкѣ, какъ о балтскомъ языкѣ, который, по его мнѣнію, происходилъ отъ древняго балтскаго языка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1907.

И. М. Златош

И. М. Златош

О ПРОВЕДЕНИИ

ДЛЯТОВСКАГО-ДАТЫШКАТО

Напечатано по распоряжению Императорской Академіи Наукъ.

Іюнь 1907 года.

Непрерывный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Отдельный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XII (1907 г.), кн. 1, стр. 40—66.

О происхождении литовско-латышскаго ё.

Вопросъ о происхождении литовско-латышскаго ё можетъ считаться нерѣшеннымъ: не установился *consensus gentium* ни относительно звуковъ, измѣнившихся въ ё, ни относительно тѣхъ условій, при которыхъ образовалось это ё.

Лескинъ говоритъ *AfslPh.* III 710 объ этомъ вопросѣ: «*lit. ě hat bekanntlich stets die Vorstufe ei*». «Извѣстнымъ» могли считать въ то время этотъ фактъ столь же мало какъ и теперь, но мысль о происхождении ё изъ *ei* я считаю вѣрною. Почему-то считая происхождение ё изъ *ei* «извѣстнымъ» фактомъ, Лескинъ въ указанномъ мѣстѣ ничѣмъ не обосновываетъ своего взгляда на происхождение ё, и поэтому впоследствии и не обращали никакого вниманія на эту мысль Лескина. Совершенно противоположный взглядъ высказалъ въ томъ же (1879) году Mahlow (*Die langen Vocale A E O in den eur. Sprachen*): «*das lit. ě ist nicht=ei; dieser Diphthong ist im Litauischen erhalten*» (стр. 9); и: «*das Baltische scheidet. . . ě=europ. oi und ai, und ei=europ. ei sehr genau*» (стр. 143). Какъ Маловъ смотритъ на многочисленныя литовско-латышскія слова съ двугласнымъ *ai*, объ этомъ онъ намъ не говоритъ. Что же касается формъ, повидимому, противорѣчащихъ правилу о возникновеніи ё изъ *ai* (*oi*), то Маловъ

замѣчаетъ (на стр. 143 сл.) слѣдующее: «sl. zima = lt. žėma ist auf *ziema=l. hiem-zurückzuführen; . . .lt. dēna=gt. sin-teins «täglich» geht auf den Stamm *dien- zurück, der sich zu sl. dīn- verhält, wie l. hiems zu s. hima. Mit lt. ltt. lėpa=sl. lipa ist ebenso wenig wie mit ėva=ahd. īwa etwas zu machen». Въ формахъ же (лит.) lėkmi, mėgmi Маловъ усматриваетъ «prä-teritopraesentia» съ первоначальнымъ oi. Неудивительно, что этотъ взглядъ Малова на происхождение ė вызвалъ только возраженія. Osthoff указываетъ (Morphol. Unters. IV 112¹), что выводы Малова основаны на неполномъ матеріалѣ, высказывая при этомъ надежду «in Bälde zeigen zu können, nach welchem Gesetze lit. ė und ei abwechseln in der Vertretung von idg. eġ». До сихъ поръ, однако, насколько мнѣ извѣстно, Остгоффъ не указалъ этого закона. Противъ Малова обращается также Wiedemann (Präteritum 14 сл.), приводя нѣсколько (всего 11) литовско-латышскихъ формъ съ ė, соответствующія которымъ формы родственныхъ языковъ имѣютъ ei или звукъ, восходящій къ ei. Отдѣльные примѣры, правда, не имѣютъ доказательной силы сами по себѣ, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно думать о различіи въ степени вокализациі (ср. напр. лат. vaīna: «вина»). Если же имѣется значительное число примѣровъ, гдѣ литовско-латышскому ė соответствуетъ въ родственныхъ языкахъ ei или звукъ, образовавшійся изъ ei, то именно совокупность такихъ примѣровъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что ė въ нихъ восходитъ къ ei, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ представляютъ собою такія формы наст. времени, въ которыхъ а priori скорѣе ожидается иде. ei, нежели oi. Что ė можетъ восходить къ ei, въ этомъ мы окончательно убѣдимся, если примемъ еще въ соображеніе количественное соотношеніе литовско-латышскихъ формъ съ двугласными ei, ė, ai. Такъ какъ у насъ нѣтъ полного списка такихъ формъ, то я ограничусь матеріаломъ (собраннымъ съ совершенно другою цѣлью), который намъ даетъ Лескинъ Ablaut (на стр. 271—293). Тамъ приведено всего приблизительно 68 словъ съ ei, 217—съ ė, 371—съ ai (исключены

мною при этомъ такія лат. слова, какъ *leju* «люю», *klajāt* «скитаться» и др., которыя Лескинъ, слѣдуя Биленштейну и Ульману, неправильно пишетъ съ *ei* и *ai* передъ *j*, ср. мое указаніе В. В. XXV 260¹). Если бы мнѣніе Малова о происхожденіи *ē* было вѣрно, то въ литовско-латышскомъ оказался бы такой численный перевѣсъ *ai* (*oi*) надъ *ei* (приблизительно 588 : 68), какой рѣзко противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о распредѣленіи этихъ двугласныхъ въ родственныхъ языкахъ. Въ виду всего этого слѣдуетъ признать вѣрнымъ господствующее теперь мнѣніе, по которому иде. *ei* въ литовско-латышскомъ то остается, то измѣняется въ *ē*. Если же это такъ, то ничто намъ не мѣшаетъ возводить къ *ei* также *ē* въ лит. *žēmà, dēpà, lēpa, lėkmì, mēgmì, ēvà*, вмѣсто того, чтобы считать (какъ это дѣлаетъ Маловъ) ихъ *ē* загадочнымъ, или же возникшимъ изъ *ie* или изъ *oi* (о формахъ *lėkmì* и *mēgmì* ср. Wiedemann Präteritum 15).

Но указанное количественное соотношеніе литовско-латышскихъ формъ съ *ē*, *ei*, *ai*, на мой взглядъ, подтверждаетъ также мнѣніе Лескина, что *ē* *oseida* восходитъ къ *ei* (если имѣть въ виду *ē* коренныхъ слоговъ). Это же мнѣніе высказываютъ также Видеманнъ (Präteritum 16 сл., 31, Handbuch 13 и 16, В. В. XXVIII 41) и Ягичъ (AfslPh. XX 369 сл.). Большинство же ученыхъ (такъ, напр., Brugmann Grdr. I² 191, Hirt IF. I 35 сл., Persson В. В. XIX 257, Berneker Pr. Spr. 144 и 256, Thomsen Beröringer 101, Gauthiot Mitt. d. lit. liter. Ges. V 266 сл., Явнисъ Поневѣжскій уѣздъ 125, Поржезинскій Къ исторіи формъ спряженія 18), повидимому, держится мнѣнія, что *ē* восходитъ также къ *ai* (*oi*). Но въ такомъ случаѣ все еще въ литовско-латышскомъ оказался бы слишкомъ большой численный перевѣсъ *ai* (*oi*) надъ *ei*. И формы, приводимыя въ пользу перехода *ai* (*oi*) въ *ē*, допускаютъ другое объясненіе. Лит. *snēgas*, лат. *snēgs* (: пр. *snaugis*, сл. снѣгъ, гот. *snaiws*), правда, врядъ ли заимствованы изъ славянскаго, какъ утверждаютъ Видеманнъ Präteritum 17 и (менѣе рѣшительно) Ягичъ l. c.; ихъ *ē* восходитъ къ иде. *ei*, или же (что гораздо вѣроятнѣе) замѣнило собою

первоначальное *ai* (*oi*) подъ вліяніемъ формы наст. времени лит. *snēgt*, лат. *snēg* (: гр. *νείφει*), подобно тому, какъ въ латинскомъ рядомъ съ основою *piu-* (: гр. асс. *s. vίφ-α*) подъ вліяніемъ наст. времени *pinguit* (: лит. *snīnga*, лат. *snīg* въ Сепценскомъ говорѣ изъ **sninga*) появилась основа *pingu-* (напр. асс. pl. *pingues* Lucret. VI 736). То же самое слѣдуетъ сказать о лит. *ātlėkas*, лат. *atlėks* (: лит. *ātlaikas*, прксл. отъ *лѣкъ*): также эти формы не заимствованы изъ славянскаго, какъ утверждаетъ Видеманнъ *Präteritum* 17, но имѣютъ (какъ и лит. *lėkas*, лат. *lėks*: гр. *λοιπός*) *ē* подъ вліяніемъ наст. времени лит. *atlėkū* (*lėkū*: гр. *λείπω*, гот. *leilva*), лат. *atlėku* (*lėku*), какъ указываетъ Ягичъ I. с. Да и самъ Видеманнъ говоритъ въ послѣдствіи (*Handbuch* 16): «wo *ē* einem idg. *oi* zu entsprechen scheint, z. b. *ātłėkas* rest, *snėgas* schnee u. a., kann *ē* darin seinen grund haben, dass der ablaut *ē*: *ai* dem sprachbewusstsein nicht mehr lebendig und daher durch eindringen des *ē* an stelle von *ai* aufgegeben ist». Также лит. *mėgas*, лат. *mėgs* «сонъ» (: пр. асс. *s. maiggun*), и лит. *sėtas* «Strick zum Anbinden eines Rindes» (: *saītas* въ Помпьянскомъ гов. у Явниса I. с., пр. -*saytan*, дрврхн. *seid*) могутъ имѣть *ē* подъ вліяніемъ наст. времени лит. *mėgū*, лат. *mėgu* «сплю» (: пр. *meicte* «schlafen»), лат. *sėnu*¹⁾ «связываю», если только тутъ передъ нами не чередованіе гласныхъ. Въ формахъ же лит. *gėdras* (: *gaidrūs*, гр. *φαιδρός*), лит. *kėmas*, лат. *sėms* (: лит. *káimas*, пр. *kāima-*, гот. *haims*), лит. *pėmū* (: гр. *ποιμήν*), лит. *šėnas*, лат. *sėns* (: сл. *сѣно*), лит. *pėva* (: гр. *ποιά*), лит. *brėdis*, лат. *brėdis* (: пр. *braydis*) лит. *slėkas*, лат. *slėka* (: пр. *slayx*), лит. *plėnas* (: пр. *playnis*), лит. *mėžiai*, лат. *mėži* (: пр. *moasis*, *mause*, лат. *maize*), лит. *žýbs* «молнія» (изъ **žėbas*) въ Хвейданскомъ гов. у Явниса I. с. 125 (: лит. *žaibas*), лат. *sėks* (: лит. *saīkas*), ничто насъ

1) Подъ вліяніемъ этого *sėnu*, можетъ быть, лат. **sūris* (= лит. *sūris*) «сыръ» перешло въ *sėrs*: *sėnu* *sėt* «вязать (т. е. варить, изготовлять) сыръ» — *terminus technicus*.

не припуждаетъ возводить ихъ *ē* непременно къ *ai* (*oi*): мы можемъ тутъ имѣть дѣло съ такимъ же чередованіемъ гласныхъ, какъ напр. въ лат. *vaīna*: сл. вина; лат. *saīva*: лит. *šeivà*; лит. *vaīdas*, лат. *vārd̄s*: пр. *wirds*, гот. *waurd*: лт. *verbum*; лат. *grāuds*: общевосточнолат. **grūds*, лит. *grūdas*; лит. *lētus* (Даякша Кат. 3, 5), лат. *lētus*: общевосточнолат. **lit(u)s*, лит. *lytùs*; лат. *zēlts*¹⁾: прксл. злато: гот. *gulp*; скр. *svárna-s*: гр. *ὄρνις*, сл. сѣнь; лат. *veīgs*, лит. *vėrgas*: прксл. врагъ; лат. *mūsa*: сл. муха; лат. *beīgt*: лит. *baīgti*; лат. *laīst*: лит. *léisti*; лит. *geītas*: прксл. жлѣтъ; лат. *dzīvāt*: лат. (диал.) *dzėvāt*; лит. *raudóti*, лат. *raūdāt*: сл. рыдати; лит. *spīrti*: лат. *speīt*; лит. *rūdas*: лат. *raūds* (*ziīgs*) въ Прекульскомъ гов., гот. *raups*; лит. *vūras*, лат. *vīrs*: лт. *vir*, гот. *wair*; лит. *sūnùs*, сл. сынъ: дрврхн. *supu* и др. Возводя же *ē* въ только что приведенныхъ литовско-латышскихъ формахъ къ *ai* (*oi*), мы лишаемъ себя, какъ ниже будетъ показано, всякой возможности объяснить происхождение *ē*. И если въ финскихъ заимствованіяхъ изъ балтійскихъ языковъ литовско-латышскому *ē* иногда соотвѣтствуетъ *ai* (напр. ф. *raimen*: лит. *rėmū*), то это ничего не доказываетъ въ пользу происхожденія *ē* изъ *ai* (*oi*), такъ какъ такому *ē*, которому въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуетъ *ei* или звукъ, образовавшійся изъ *ei*, въ финскомъ соотвѣтствуетъ *ai* (напр. ф. *laiha*: лит. *lėsas*, лат. *lėss*, сл. лихъ; ф. *taivas*: лит. *dėvas*, лат. *dėvs*, пр. *deiws*, дрлт. *deivos*). — Что же касается лит. *dėveris*, лат. *dėveris* (напр. асс. s. *dėveri* Mag. VIII № 398): сл. дѣверь, арм. *taigr*, гр. *δαῖρ*, то это литовско-латышское слово скорѣе всего заимствовано изъ славянскаго, какъ полагаютъ Ягичъ l. c. и Видеманъ *Präteritum* 31 (причемъ послѣдній считаетъ также возможнымъ возводить *dėver-* къ иде. *dėiver-*); ср. лат. заимствованное изъ нѣмецкаго языка («Maid») слово *meīta* «дѣвушка, дочь». И утверженіе Бругманна *Grdr.* I² 191, что *ē* въ лит. *dėna* «trächtig» восходитъ къ иде. *ei* (т. е.

1) Посредствомъ *e* я обозначаю открытое *e*.

ai), ничѣмъ не доказано. О словахъ же съ начальнымъ *ě* будетъ рѣчь ниже.

Полагая, что *ě* восходитъ также къ *ai* (*oi*), мы, какъ уже выше сказано, лишаемъ себя всякой возможности объяснить происхожденіе *ě*. Бругманнъ высказываетъ 1. с. предположеніе, что *ei* и *ai* сохранились передъ палатальнымъ гласнымъ слѣдующаго за ними слога, въ остальныхъ же случаяхъ перешли въ *ě*. Въ первомъ изданіи своего Grdr. Бругманнъ къ этому прибавилъ еще, что вѣроятно только циркумфлектованное (а не акутованное) *ei*, *ai* перешло въ *ě*. Во второмъ же изданіи онъ болѣе не говоритъ о вліяніи интонаціи, очевидно, самъ сознавая, что его догадка по этому поводу не подтверждается фактами, какъ указалъ уже Ульяновъ (Основы наст. времени 114¹). Но такъ же нельзя согласиться съ Бругманномъ въ томъ, что появленіе *ě* обусловлено вокализмомъ слѣдующаго за нимъ слога. Самъ Бругманнъ признается, что не можетъ объяснить *ě* въ такихъ глаголахъ, какъ лит. *lėžiù* («лижу») *lėžti*. И число такихъ глаголовъ, какъ указали Ульяновъ 1. с. и Гиртъ 1. с., вовсе не меньше числа такихъ же глаголовъ съ *ei*: въ грамматикѣ Куршата въ §§ 1225—1229 приводятся всего глаголовъ съ основою наст. времени на *-jo-* 4 съ *ei*, 11 съ *ež*, 6 съ *ē* (считая въ томъ числѣ и глаголь *grėžiù*, *grėžti*, который Куршаты пишутъ съ *ē*; ср. *griežti* у Межиниса, *griežimas daŭtų* у Даукши Post. 101, 7, лат. *grėzt*), 16 съ *ė* (считая въ томъ числѣ и глаголь *lėpiù*, *lėpti*, который Куршаты пишутъ съ *ē*; ср. *liepti* у Межиниса). Уже въ виду этихъ глагольных формъ Бругманну слѣдовало бы отказаться отъ своей гипотезы. Но это не единственная противорѣчащія ей формы: какъ объяснить Браугманнъ напр. *ě* въ лит. *kvėčiaĩ*, лат. *kvėši*; лит. *mėžỹs*, лат. *mėzis*; лит. *brėdis*, лат. *brėdis*; лит. *mėlės*, лат. *mėles*; лит. *rėkė*, лат. *rėcenis*; лит. *kėlė*; *ei* въ лит. *šeivà*; лит. *greĩtas*, *kreĩvas*; лат. *greĩzs*; (*ai* въ лит. *kraĩkas*, *laĩškas*, *saĩkas*, *vaĩdas*, *vaĩkas*, *žaĩbas*, *maĩštas*, *dáiktas*, *láidas*, *dainà*, *maità*, *láima*, *paĩkas*, *raĩbas*, *raĩnas*, *láibas*)? Вѣдь у основъ на *-ā* и у прилагатель-

ныхъ (до возникновенія *ě*) въ окончаніяхъ нигдѣ не было палатальнаго гласнаго; у основъ же на *-o* встрѣчается, правда, *-e* въ окончаніи *вос.* и *лос. s.*, но чтобы *ei* (*ai*), правильно сохранившееся въ *лос.* и *вос. s.* (причемъ *вос.* употребителенъ не отъ всѣхъ словъ), затѣмъ вытѣснило *ě*, правильно возникшее во всѣхъ остальныхъ падежахъ, это крайне невѣроятно. И въ склоненіи основъ на *-jo* и *-je* вообще нѣтъ формъ, въ которыхъ по теоріи Бругманна могло бы правильно возникнуть *ě*. Нельзя, наконецъ, также думать о вліяніи родственныхъ формъ: большинство изъ приведенныхъ мною примѣровъ вовсе не имѣетъ рядомъ съ собою такихъ формъ, подъ вліяніемъ которыхъ ихъ *ě* (*ei*) могло бы быть замѣнено посредствомъ *ei* (*ě*). Итакъ, гипотезу Бругманна о происхожденіи *ě* слѣдуетъ считать совершенно неудачною.

Остается думать о вліяніи ударенія на измѣненіе *ei* въ *ě*. Аргюи такой переходъ представляется возможнымъ какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ. По мнѣнію Явниса (Поневѣжскій уѣздъ 104 и 125) «слабоударяемые» иде. дифтонги *ei*, *ai*, *oi* перешли въ *ě*. Этого мнѣнія, однако, Явнисъ ничѣмъ не обосновываетъ, да и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ данныя языка рѣшительно противорѣчатъ его догадкѣ: ср. напр. лит. *rėnas*, лат. *rēns*; (лит. *láima*, лат. *laīma*;) лит. *lėra*, лат. *lěra*, серб. *лѣпа*. Интонація и мѣсто ударенія въ этихъ словахъ показываютъ, что уже въ литовско-латышскомъ праязыкѣ или даже въ славяно-балтійскую эпоху удареніе этихъ словъ всегда было на первомъ слогѣ (и *rėnas* и *lėra* вполне изолированныя слова, такъ что нельзя также думать о вліяніи родственныхъ формъ). Итакъ, слѣдуетъ признать вѣрнымъ мнѣніе Гирта (IF. I 37), что *ě* возникло подъ удареніемъ. Не согласенъ я съ нимъ только въ томъ, что по его мнѣнію также ударяемое *ai* (*oi*) перешло въ *ě*. Гиртъ, конечно, самъ замѣтилъ, что его гипотезѣ противорѣчатъ такія формы, какъ лит. *káilis*, *láima* (лат. *laīma*), *báimė*, *ráinė*, *žáidžiū*, *ráišiū*, *ráičau*, *táikaū*, *tráiškaū* и др., гдѣ удареніе всегда на первомъ слогѣ. И по этому поводу онъ гово-

рить I. с. 39: «Est ist mir nicht wahrscheinlich, dass hier eine unerklärbare Abweichung vorliegt, weil das Fehlen des Wechsels des Akzentes, wie es im Litauischen bei den Worten mit gestossener Stammsilbe vorhanden, kaum ursprünglich ist. Die meisten Worte, die wir in solchen Klassen finden, zeigen in den verwandten Sprachen nicht Wurzelbetonung, so *vėnas*, gr. *οἴνος*, *dúmas* «Rauch», gr. *θῦμός*, aind. *dhūmās*, *jūsta* «Gürtel», gr. *ζωστή*, *gývas*, aind. *jīvās*... Meine Vermutung ist, dass die Worte mit gestossener Stammsilbe ursprünglich im grossen und ganzen denselben Akzentwechsel hatten wie die mit schleifendem Ton, dass also das Paradigma mit starrem Akzent ganz aus dem Litauischen gestrichen werden kann». Что многія литовскія слова съ нисходящей интонаціей не всегда имѣли удареніе во всѣхъ формахъ на первомъ слогѣ, это не подлежитъ сомнѣнію, какъ указано и мною В. В. XXV 269 сл.: ср. лит. *bėgu*: лат. *bėgu*, р. *бѣгý*. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ эпоху возникновенія *ĕ* въ литовско-латышскомъ вовсе не было словъ съ постояннымъ удареніемъ на первомъ слогѣ. Формы гр. *θῦμός* и скр. *dhūmās*, можетъ быть, показываютъ, что иде. **dhūmos* имѣло удареніе на концѣ, но онѣ намъ ничего не говорятъ о мѣстѣ ударенія у лит.-лат. **dūmas* въ эпоху возникновенія *ĕ*. Славянскія же формы срб. *дѣм*, р. *дым*, род. *дыма*, и длительная интонація лат. *dūmī* говорятъ въ пользу того, что это слово уже въ славяно-балтійскую эпоху имѣло постоянное удареніе на первомъ слогѣ (ср. напр. еще: лит. *bóba*, лат. *bāba*, срб. *баба*, р. *баба*, лит. *glinda*, лат. *gnīda*, р. *гніда*; лит. *lėra*, лат. *lĕra*, срб. *лѣпа*, р. *лѣпа*; лит. *vāgna*, лат. *vāgna*, срб. *вра̀на*, р. *воро̀на*; лит. *sėju*, лат. *sĕju*, р. *сѣю*; но лат. *dzilna*: р. *желна́*; (лит. *bėgu*) лат. *bėgu*, р. *бѣгý*; лат. *dūdēt*: р. *дадите́*; лат. *ėdēt*: р. *ѣдите́*). Итакъ, позднѣйшаго происхожденія постоянное удареніе на начальномъ слогѣ только у тѣхъ литовскихъ словъ, которымъ соотвѣтствуютъ латышскія формы съ прерывистою интонаціей и славянскія формы съ удареніемъ не на первомъ слогѣ. А тѣ литовскія формы, которымъ соотвѣтствуютъ

латышскія формы съ длительною интонаціею и славянскія формы съ постояннымъ удареніемъ на начальномъ слогѣ, вѣроятно, имѣли постоянное удареніе на первомъ слогѣ уже въ славяно-балтійскую эпоху. А поэтому мы не имѣемъ никакого права полагать (какъ это дѣлаетъ Гиртъ), что такія формы, какъ лит. *láima*, лат. *laīma* (у Биленштейна *Lett. Spr. I 73*) или *laīme*, въ эпоху возникновенія *ě* не всегда имѣли удареніе на первомъ слогѣ. Прибавлю еще нѣсколько латышскихъ формъ съ *ai*: *glāīma* (*Bielenstein l. c. 72*), *svaīnis* *ibid. 73* (ср. лит. *sváinē*), *spraīlis*, *ibid.*, *laīks*, *vaīna*, *vaīrs*. Эти слова, значить, рѣшительно противорѣчатъ гипотезѣ Гирта, что также *ai* подѣ удареніемъ перешло въ *ě*. Кромѣ того, Гиртъ намъ вовсе не объясняетъ, какимъ путемъ ударяемое *ai* могло перейти въ *ě*. Гипотезѣ же, что ударяемое *ei* перешло въ *ě*, данныя языка не противорѣчатъ. Существительныя на *-as*, приведенныя у Куршата въ § 541 (*dēvas*, лат. *dēvs*; *drēžas*; *ēšmas*, лат. *ēšms*; *kēmas*, лат. *cēms*, *mēgas*, лат. *mēgs*; *plēnas*; *snēgas*, лат. *snēgs*; *šēnas*, лат. *sēns*), имѣютъ теперь удареніе на начальномъ слогѣ только въ им., род., дат., вин. пад. е. ч., въ остальныхъ же падежахъ на конечномъ слогѣ. Значить, у этихъ словъ *ě*, возникшее въ части падежей фонетическимъ путемъ, потомъ было обобщено. Что же касается употребительнаго только во множ. ч. слова *pēžaī*, то оно или (какъ полагаетъ Гиртъ *IF. I 38*) имѣетъ *ě* подѣ влияніемъ глагола *pēžti*, или же образовалось послѣ перехода *ei* въ *ě*.—Слова на *-as*, приведенныя въ § 542 (*lēptas*; *nēkas*; *skētas*, лат. *škēts*), имѣютъ удареніе на окончаніи только въ зват., твор., мѣстн. пад. ед. ч. и въ вин. п. мн. ч.; ихъ *ě*, значить, въ большинствѣ падежей возникло фонетическимъ путемъ (словъ же съ *ei* въ этихъ параграфахъ не приводится).—Существительныя, склоняющіяся по образцу *kēlmas* (*dēgas* «Кеим»; лат. *dēgs* «нитка»; *sētas*, лат. *sēts* «сито»; *slēkas*; *šēkštas*, лат. *sēksts*; *žēdas*, лат. *zēds*; *vēidas*), имѣютъ удареніе во всемъ ед. ч., въ вин. п. мн. ч. и въ им. и вин. пад. двойств. ч. на первомъ слогѣ, въ остальныхъ падежахъ на окончаніи; большинство

изъ нихъ обобщило *ĕ*, *véidas* же *-ei* (можетъ быть, подъ влия-
 ніемъ глагола *veizdēti*).—Существительныя на *-as* съ устойчи-
 вымъ удареніемъ на первомъ слогѣ (*pēnas*, лат. *pēns*; *rētas*;
 что же касается *svēstas*, то лат. *svēsts* показываетъ, если
 только прерывистая интонація не обусловлена влияніемъ глагола
svēst, что прежде это слово не всегда имѣло удареніе на пер-
 вомъ слогѣ) всѣ имѣютъ только *ĕ*.—Существительное *kvētŷs*,
 gen. *kvēċio*, лат. *kvēsis* (вмѣсто **kvētis*), gen. *kvēša*, обоб-
 щило *ĕ*, правильно возникшее въ род., дат. и вин. п. ед. ч.¹⁾.—
 Склоняющіяся по образцу *žōdis* существительныя (*mēži ai*, лат.
mēži; *reīlis*) имѣютъ удареніе на концѣ только въ твор. п. ед.
 ч., вин. п. множ. ч. и им., вин. п. двойств. ч., и поэтому у нихъ
 естественно обобщеніе *ĕ*; что же касается *reīlis* «ножь», то поз-
 волительно думать, что оно или прежде склонялось по образцу
kvētŷs, или же заимствовано изъ нарѣчія, имѣющаго *ei* вмѣсто
ĕ, или изъ прусскаго языка (*reilis* «ножь»).—Лит. существи-
 тельныя *brēdis*, *kēċiai*, *sēksnis* имѣютъ устойчивое удареніе
 на первомъ слогѣ; прерывистая же интонація лат. *brēdis* пока-
 зываетъ, что это слово прежде склонялось по образцу лит. *ag-*
klŷs (съ удареніемъ на первомъ слогѣ въ род., дат., вин., твор.
 п. ед. ч., вин. п. множ. ч. и им., вин. двойств. ч.).—Существитель-
 ныя, склоняющіяся по образцу *mergā* (*dēnā*, лат. *dēna*; *gēdrā*;
ĕvā, лат. *ĕva*; *lēpsnā*; *pēstā*, лат. *pēsta*; *rēvā*; *skēdrā*, лат.
*škēdra*²⁾; *švēsā*; *žēmā*, лат. *zēma*; *žēzdroš*; *tēsā*, лат. *tēsa*;
šeivā) и имѣющія удареніе въ дат. и вин. п. ед. ч. и им. п. мн.
 ч. на первомъ слогѣ (лат. *ĕva*, однако, древнее *paρoxytonon*, ср.
 сръб. *йва*, р. *йва*), за исключеніемъ *šeivā*, обобщили *ĕ* (надо
 имѣть въ виду, что *gēdrā*, *pēstā*, *švēsā*, *žēmā*, *tēsā* употреб-
 ляются главнымъ образомъ въ ед. числѣ, и что нѣкоторыя изъ
 этихъ словъ прежде, можетъ быть, склонялись по образцу *vētā*).

1) Впрочемъ, не исключена возможность, что *kvētŷs* прежде склонялось
 по образцу *žōdis*.

2) Ср. объ этомъ словѣ В. В. XXV 269.

Существительное *vēta* (лат. *vēta*) имѣетъ удареніе на концѣ только въ им., зват. и твор. п. ед. ч., въ вин. п. множ. ч. и въ им., вин. п. двойств. ч. — Существительныя *lēra* (лат. *lēra*), *rēva*, *sēna* (лат. *sēna*) имѣютъ удареніе всегда на начальномъ слогѣ (прерывистая интонація лат. *sēna* указываетъ, что это слово прежде склонялось по образцу лит. *galvā*, ср. В. В. XXV 268 сл.). — Существительныя, склоняющіяся по образцу *žolē* (*deivē*; *dēžē*; *eilē*; *mēlēs*, лат. *mēles*; *rēkē*; *veislē*; *vēšnē*; *žēvē*), имѣютъ удареніе въ дат., вин. п. ед. ч. и въ им. п. множ. ч. на начальномъ слогѣ и обобщили то *ei*, то *ē* (формы съ *ē* отчасти, можетъ быть, прежде склонялись по образцу *skreīstē*). — Существительное *skreīstē* теперь имѣетъ удареніе на концѣ только въ твор. п. ед. ч., въ вин. п. множ. ч. и въ им., вин. п. двойств. ч., такъ что скорѣе ожидается форма съ *ē*; можно думать, что это слово или возникло послѣ возникновенія *ē*, или же прежде склонялось по образцу *žolē* (въ дат. и вин. п. ед. ч. и въ им. п. множ. ч. всѣ слова на *-ē* съ восходящею интонаціею кореннаго слога имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ и въ твор. п. ед. ч. и въ вин. п. множ. ч. и въ им., вин. п. двойств. ч. — на концѣ, такъ что аналогическія новообразованія относительно ударенія представляются возможными, ср. объ этомъ В. В. XXIX 179¹). — Существительныя *kēlē*, *pleīnē*, *séilē* теперь всегда имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ; но можно думать, что *pleīnē* прежде склонялось по образцу *žolē*, *séilē* (обыкн. множ. ч. *séilēs*) по образцу *gēsmē* (gen. s. *gēsmēs*, dat. *gēsmei*, acc. *gēsme*, instr. *gēsme*, loc. *gēsmēje*, nom. pl. *gēsmēs*, gen. *gēsmiū*, dat. *gēsmēms*, acc. *gēsmes*, instr. *gēsmēmīs*, loc. *gēsmēsē*, ср. Kurschat Gramm § 633). — Прилагательныя, склоняющіяся по образцу *gēras* (*greītas*; *kreīvas*; *sveīkas*, лат. *sveīks*, объ интонаціи котораго ср. В. В. XXV 263 и 271; ср. также лат. *kreīss*, *greīzs*), имѣютъ въ большинствѣ падежей удареніе на концѣ и поэтому естественно обобщили *ei*. Прилагательныя *kētas* (лат. *cēts*), *mēlas* (ср. еще *lēsas*, лат. *lēss* или, по Биленштейну, *lēss*; лат. *lēls*), имѣющія удареніе на начальномъ слогѣ

въ им., род., вин., твор. п. ед. ч., въ вин. п. множ. ч., въ им., вин. п. двойств. ч. муж. р. и въ дат., вин., твор. п. ед. ч., въ им., вин. п. множ. и двойств. ч. женск. рода, обобщили *ĕ*. Прилагательныя, склоняющіяся по образцу *gražùs* (*gēdrùs, meilùs, rēbùs, švēsùs, tēsùs*¹⁾, *veikùs*), имѣютъ удареніе чаще на концѣ, чѣмъ на начальномъ слогѣ; надо думать, что распространенію *ĕ* въ *švēsùs* и *tēsùs* содѣйствовали соотвѣтствующія глагольныя формы *švēsti* и *tēsti*, и вообще не исключена возможность, что эти формы на *-ùs* во время возникновенія *ĕ* чаще чѣмъ теперь имѣли удареніе на начальномъ слогѣ. — Глаголы *dēgti* (лат. *dēgt* у Биленштейна), *grēžti* (лат. *grēzt*), *kéikti*, *léisti* (ср. прерывистую интонацію лат. *laíst*), *lėti* (лат. *lēt*), *réikšti*, *réižti*, *skēsti* (лат. *škēst*), *trékšti*, *trēsti* теперь всѣ имѣютъ устойчивое удареніе на коренномъ слогѣ, но часть этихъ глаголовъ, какъ показываетъ прерывистая интонація соотвѣтствующихъ латышскихъ формъ (ср. В. В. XXV 270), прежде имѣла удареніе также на концѣ, такъ что понятно, что нѣкоторые изъ приведенныхъ глаголовъ обобщили *ei*. Глаголы *drēkiù*, *geidžiù*, *gēžiù*, *grējù*, *keičiù*, *kreikiù*, *kreiriù*, *lēriù*, *lēžiù*, *peikiù*, *rēčiù*, *rēkiù*, *skrējù*, *smeigiù*, *spēčiù*, *šēriù*, *šlējù* (лат. *slēnu*), *šveičiù*, *švēčiù*, *teikiù*, *tēsiù*, *veikiù* (лат. *veicu*), *veisiù*, *žeidžiù*, *žēbiù*, *žvēgiù*, *einù*, *lēkù* (лат. *lēku*), *sveikstù*, *kvēčiù*, имѣющие удареніе въ части формъ на концѣ, въ части — на начальномъ слогѣ, обобщили то *ĕ*, то *ei* (ср. еще лат. *krēt*, *sēt*, *skrēt*, *trēpt*, *vēpt*, *knēbt*, *rēbt*, *vēstēs*, *spēst*, *svēst*, *teikt*, *beigt*, *klēgt*, *steigt*, *rēt*, *smēt*, *dēt*, *reibt*). Итакъ, мы не нашли ни одной производной литовско-латышской формы съ *ei* (лит. *ėi*, лат. *ei*) и устойчивымъ удареніемъ на коренномъ слогѣ. Что же касается лат. формъ (съ длительною интонаціею) *īeiris* (ср. лит. асс. s. *kaīri*) или *kreīlis* (ср. *kreīss*)²⁾, *veīkls* (ср. *veīktēs*, лит. *veīkti*), *sveīlis* (у Биленштейна Lett. Spr. I 73), *treīlis* (*ibid.*), то корень производ-

1) Есть и форма *teisùs*.

2) Ср. напр. лит. *sūras: sūris; kārštas: kařstis; ilgas: ilgis* и др.

ныхъ формъ *keīris* или *kreīlis* и *veīkls*, очевидно, имѣеть циркумфлексированное *eī*; производными, кажется, слѣдуетъ считать также формы (не совсѣмъ ясныя по происхожденію) *sveīlis* и *treīlis*, такъ что нѣтъ также латышскихъ формъ, рѣшительно противорѣчащихъ гипотезѣ о переходѣ ударяемаго *eī* въ *ē*.

Остается мнѣ показать, какимъ путемъ перешло ударяемое *eī* въ *ē*, которое произносится въ верхнелитовскомъ по Куршату (Gramm. § 58) какъ *iēe*, *iēā*, *iā*, *ēā*, по Явнису (Поневѣжскій уѣздъ 104) какъ *ie*, *ea* (съ узкимъ *e* въ обоихъ случаяхъ), въ латышскомъ какъ *iā* или *iē*. Звукъ *ē* образовался въ литовско-латышскомъ не только изъ *eī*. Въ части латышскихъ говоровъ (ср. напр. указанія Бецценбергера Lett. Dial.-Stud. 152 слл. и Spr. d. preuss. Letten 114 слл.) *ē* возникло изъ *i* передъ *r*, стоящимъ передъ согласнымъ (напр. *ziġgs* «лошадь» > *zīrgs* > *zīrgs* > *ziērgs* > *ziērgs* > *zērgs*). Между тѣмъ какъ въ говорахъ западной Курляндіи переходу въ *ēr* подвергается всякое *ir* передъ согласными, въ части верхнелатышскихъ говоровъ въ *ēr* переходитъ только *ir* съ нисходящею интонаціею (съ нисходящею же интонаціею тамъ произносятся также слоги, имѣющие въ нижнелатышскомъ длительную интонацію; слоги же, имѣющие въ нижнелатышскомъ прерывистую интонацію, въ части верхнелат. говоровъ произносятся также съ прерывистою интонаціею, въ другой же части — съ длительно-восходящею интонаціею, которую я обозначаю тѣмъ же извилистымъ циркумфлексомъ, какъ и длительную интонацію). Примѣры: *pērksts* «палець», *dzērnava* «мельница», *zyġgs*¹⁾ «лошадь» (Дубена); *pērs[t]s* «палець» (ном. pl. *pērsti*; ср. еще *krys[t]s* «крестъ», *augs[t]s* «высокій», *riks[t]s* «орѣхъ», *eiks[t]s* «большой палець») instr. pl. *dzērnavām*, *siġds* «сердце» (Лассенъ); *pērs[t]s* (ном. pl. *pērsti*), *sērmī* «сѣдые, *zyġgs* «лошадь» (Ликсна); *pērksts*, *zērnī* «горохъ», *siġds* (Пикстернь); *pērstis*, n. pl. *ērbys* «рябчики»,

1) Посредствомъ *y* обозначаю звукъ, похожій на *p*. и, возникшій изъ *i* передъ широкимъ гласнымъ слѣдующаго слога (отъ *zyrgs* изъ **zīrgas*—ном. pl. *zīrgi* въ томъ же говорѣ; ср. тамъ же ном. s. *sirds* «сердце» изъ *sirdis*).

zyĩgs (Воркова); p̄rksts, siĩds (Гросс-Бушгофъ); p̄rksts, acc. s. s̄ẽrmi «сѣдаго», ziĩgs (Экенграфъ); p̄rksts, acc. pl. z̄ẽrñ's, ziĩgs (съ долговатымъ *i*; Сеццень); p̄rst̄s, nũm̄ẽr̄s' «я умру», zyĩgs (Прейли). Надо полагать, что и въ этихъ говорахъ *ir* при нисходящей интонаціи перешло сперва въ *ir*, откуда далѣе (черезъ *ier*) *er*. Ср. съ этимъ мою статью В. В. XXIX 277 слл. (въ инфлянтскихъ текстахъ съ польскимъ правописаниемъ *i* передъ *er*, можетъ быть, обозначаетъ не смягченіе предшествующаго согласнаго, какъ обыкновенно, но первую часть двугласнаго *ie* или *ẽ*; въ изданіи же *Latwju dainas* встрѣчаются, какъ указано мною 1. с., формы съ *er* изъ *ir*, напр. *derva* 4506,2).

Чаще чѣмъ изъ *i* (и не только передъ *r*) *ẽ* образуется изъ (узкаго и широкаго) *ẽ*. Такъ въ литовскомъ въ части сѣверныхъ говоровъ *e* перешло въ *ẽ*. Въ латышскомъ же *ẽ* получилось не только изъ *eĩ*, но также изъ тавтосиллабическаго *en*, перешедшаго, вѣроятно, (черезъ *e*) въ *ẽ* (ср. лат. *ĩ* изъ *in*, *ũ* изъ *un*). При этомъ, по мнѣнію Поржезинскаго (Сборн. статей, посвященныхъ Фортунатову 616), *e* въ сочетаніи *en* еще въ литовско-латышскую эпоху перешло въ закрытое *e* (у Поржезинскаго *e'*); и въ виду литовскихъ (діалектическихъ) *e'n*, *in* изъ прабалтійскаго *en* и латышскаго *ĩ* изъ прабалтійскаго *an* (черезъ *on* > *õ*; ср. литовско-латышское *ũ* изъ прабалтійскаго *õ*) это мнѣніе Поржезинскаго кажется довольно вѣроятнымъ. Такъ какъ литовско-латышское *ẽ*, бывшее (какъ можно судить на основаніи показаній литовскаго и прусскаго языковъ) закрытымъ гласнымъ, въ общелатышскомъ не перешло въ *ẽ*, то надо полагать, что закрытое *ẽ*, возникшее на латышской почвѣ изъ *e'n*, по качеству отличалось отъ литовско-латышскаго *ẽ*. — Далѣе, въ части восточнолатышскихъ говоровъ *ẽ* возникло изъ общелатышскаго (закрытаго *ẽ*¹), сохранившагося въ этихъ говорахъ въ видѣ *ẽ*

1) Возникло ли это *ẽ* непосредственно изъ *ẽ*, или же изъ *ẽ*, трудно сказать, но болѣе вѣроятнымъ я считаю последнее (въ виду *ẽ* другихъ восточнолат. говоровъ).

только передъ *e* и \bar{e} и такимъ *a*, которое замѣнило собою прежнее *e* и \bar{e} (между тѣмъ какъ въ другихъ восточнолатышскихъ говорахъ изъ всякаго общелатышскаго \bar{e} получилось \bar{e}). Примѣры (записанные мною въ Преяляхъ): *vêjs* «вѣтеръ»; *vêzs* «ракъ», n. pl. *vêži*; *klêts*¹⁾ «клѣть»; *mêreit* «мѣрить»; *s vêteit* «святить»; *vêteit* «вѣять»; *tu mēdīs* «ты пересмѣливаешь»; *ēdīnc* «кушанье»; *ēš* (изъ *ēžu*) «я ѣлъ»; *džēfīnc* «питье»; *džēr* «я пилъ»; instr. pl. *bēd'einom* (deminutivum отъ *bēda* «бѣда»); *ešēža* «борона»; *fedžej* «я видѣлъ»; *vērūs* «я смотрѣлъ»; *vēfīs* «ты смотрѣлъ»; *vēršūs* «буду смотрѣть»; *vēršīs* «будешь смотрѣть»; *tu vērtīmīs* «ты смотрѣлъ бы»; но *vēfēs* «онъ смотрѣлъ»; *vēfēmīs* «мы смотрѣли»; *vēfētīs* «вы смотрѣли»; *ēdam* «мы ѣли»; *ēdēt* «вы ѣли»; *džēgam* «мы пили»; *džēfēt* «вы пили»; *d'vēšēle* «душа»; *vēdžēle* «налимъ»; *čēvė* «кобыла»; *mēle* «языкъ»; *šmēd'ē* «кузница» (и съ перенесениемъ \bar{e} изъ тѣхъ падежей, гдѣ въ окончаніи стоитъ \bar{e} , также nom. pl. *džēbis* «платья», *d'ēlīs* «спявки»). Насколько можно судить по loc. s. *ēlīņ* «въ аду», *upē* «въ рѣкѣ» и окончаніямъ *-mēs* и *-tēs* для I и II plur. fut. и cond. и *ēs* для III praet. возвр. залога, \bar{e} сохраняется также въ конечномъ слогѣ. Въ Лассенскомъ говорѣ, гдѣ также встрѣчается \bar{e} изъ \bar{e} (или \bar{e}), ср. напр. *vēži* «раки», *kaļēš* «кузнецъ», — я встрѣчалъ въ суффиксальныхъ слогахъ \bar{e} также вмѣсто нижнелатышскаго \bar{i} (перешедшаго здѣсь въ коренныхъ слогахъ въ *ei*, напр. *tu dzeini, treini, meini* «ты гналъ, точилъ, топталъ»); *sirdēgs* или *dusmēgs* «сердитый», *labēba* «зерновой хлѣбъ», acc. s. *mōcēbu* «ученіе», *mōcētōš* «пасторъ», *upētē* «ручей», *puisēts* «малютка», *rakstēt* «писать», *skaitēt* «считать». Я могу себѣ объяснить это только такъ, что *ei* (изъ \bar{i}) перешло здѣсь въ \bar{e} (примѣры для такого перехода въ восточно-латышскомъ даетъ Бецценбергеръ Lett. Dial.-Stud. 130) и черезъ \bar{e} далѣе въ \bar{e} . —

1) Смягченіе *l*, возникшаго въ этомъ нарѣччіи изъ *l* передъ гласными передняго ряда, менѣе сильно, чѣмъ у общелатышскаго *l* (изъ *lj*); и смягченіе *d, t* здѣсь менѣе сильно, чѣмъ у русскаго *д, ть*.

Наконецъ, *ē* въ литовскихъ и латышскихъ заимствованныхъ формахъ передаетъ славянское *ь* и нижненѣмецкое *ē*. Ср. также дрвrxн. *ea > ia > ie* изъ германскаго узкаго *ē* (напр. *fēra > feara > fiara*; *mēta > meata > miata > mieta* и др. Streitberg, Ugerm. Gramm. § 79).

Итакъ, весьма вѣроятно, что литовско-латышское *ē* (изъ *ei*) восходитъ прежде всего къ *ē* (*> ēa > ea > ia > ie*). Спрашивается, какимъ путемъ перешло ударяемое *ei* въ *ē* (такъ какъ прабалтійское *ei*, насколько можно судить на основаніи показаній литовскаго языка, имѣло широкое *e*, то и *ē*, возникшее изъ этого *ei*, вѣроятно, произносилось широко и вслѣдствіе этого не совпало съ прабалтійскихъ узкимъ *ē*)? Бругманнъ полагаетъ Grdr. I² 191, что *i* въ *ei* перешло въ *e*, но такой переходъ не является зависимымъ отъ ударенія и поэтому представлялся бы вѣроятнымъ только тогда, если бы дѣйствительно (какъ думаетъ Бругманнъ) *ē* возникло передъ широкими гласными слѣдующаго слога. Въ балтійскихъ языкахъ мы и теперь еще встрѣчаемъ *ē* изъ *ei*. Какъ извѣстно, въ литовскомъ *e* въ дифтонгѣ *ei* удлинняется при нисходящей интонаціи, и въ части говоровъ затѣмъ *i* выпадаетъ (напр. *kékti* изъ *kéikti*). Въ жемайтскомъ же *e* удлинняется въ *ei* не только при нисходящей, но также при восходящей интонаціи (напр. *kéikti* и *rēikti*), и въ части говоровъ (ср. IF. Anz. XIII 88 и Описание Россіенскаго уѣзда 24) затѣмъ *i* выпадаетъ (*kékti* и *rēkti*). И также въ латышскихъ говорахъ сѣверо-западной Курляндіи удлинняется (при всякой¹) интонаціи *e* въ *ei*, и вмѣсто *ēi* уже часто слышится *ē*: п. pl. *mēit's* «дочери»; *gē* (изъ *gei*) «лаеть» (Зурсь); п. s. *mēt* «дочь», *tēkt¹* «сказать» (Газау); *mētans* «дѣвочка»; *gē* «лаеть» (Таргельнъ); *mē₁t's* «до-

1) Мюленбахъ В. В. XXIХ 72³ приписываетъ (удлиненіе первой части и) выпаденіе второй части только дифтонгамъ (*ei*, *ai*, *oi* изъ *ai*) съ прерывистою интонаціею. Но это неточно, какъ показываютъ примѣры: *vāirak* «больше» (Зиргенъ); *gōgas* «смотреть» (Зурсь); *sōulit* «солнышко»; *jōtadam* «спрашивая»; loc. pl. *lōkas* «на поляхъ» (Газау); *lōks* «поле» (Таргельнъ); *sōlit* «солнышко» (Угалень). Примѣровъ для *e* изъ *ei* (звукъ весьма рѣдкаго въ латышскомъ) я случайно не имѣю въ своихъ записяхъ.

чери» (Попень); *mē_it* «дочь»; *têkš¹* «я скажу» (Пуссень); *tē_iks* или *têks* «скажетъ» (Угалень).—Итакъ, можно думать, что *ē* (перешедшее въ литовско-латышское *ė*) восходитъ прежде всего къ *ēi*. Что касается циркумфлексованнаго *ēi*, произносившагося (какъ слѣдуетъ полагать на основаніи показаній латышскаго, прусскаго и славянскаго языковъ) въ прабалтійскую и, можетъ быть, еще въ литовско-латышскую эпоху съ нисходящею интонаціею, то оно возникло (можетъ быть, еще въ прабалтійскую эпоху) подъ удареніемъ изъ *ei*, какъ это мы наблюдаемъ въ литовскихъ говорахъ и въ прусскомъ (ср. напр. пр. *grēi*: лит. *grē*, лат. *grē*). Что же касается акутованнаго *ēi*, то оно или также возникло подъ удареніемъ изъ *ēi* (возможность такого перехода доказывается приведенными мною жемайтскими и латышскими формами), или же восходитъ непосредственно къ иде. *ēi* (если въ прабалтійскую эпоху еще существовали иде. дифтонги съ долгою слоговою частью).

Иначе представляетъ себѣ возникновение *ė* Gauthiot Mitt. d. lit. liter. Ges. V 266 слл. Ссылаясь на статью Мелье въ (недоступномъ здѣсь для меня) журналѣ *La Parole* (II 197 сл.), Готіо возводитъ *ė* черезъ *iei²* къ *ei* (и *ai*) и считаетъ это *iei* «общелитовскою» формою, «welche ganz einfach aus *ei* oder *ai* dadurch entstand, dass der Grundlaut des zweiten Komponenten in beiden Diphthongen den ersten Vokal sozusagen durchdrang und vom Sprechenden im voraus artikuliert wurde». Допустимъ, что переходъ *ei* въ *iei* дѣйствительно можно считать «совершенно простымъ»; но Готіо намъ не объясняетъ, почему *ei* только въ части случаевъ подверглось такому переходу (удареніе врядъ ли могло имѣть вліяніе на этотъ переходъ). Въ пользу этой гипотезы Готіо приводитъ финское заимствованное по мнѣнію Томсена изъ литовскаго (*stėbas*) слово *seiväs*, будто бы указываю-

1) Нисходящая интонація въ этихъ говорахъ совпала съ прерывистою.

2) Точнѣе *iei*; начальному же *i* Готіо здѣсь приписываетъ характеръ гласнаго звука (а не соната *i*).

щее на пралитовское *stieǰbas, такъ какъ только де передъ *i* по мнѣнію Сетэла *t* въ финскомъ правильно перешло въ *s*. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, почему же прабалтійское *deivas дало въ финскомъ не форму съ начальнымъ *s*-, но *taivas*? Да и вообще форма одного финскаго слова въ данномъ вопросѣ не имѣетъ доказательной силы, но могла бы, пожалуй, служить только подтвержденіемъ гипотезы, доказанной уже данными самими балтійскихъ языковъ. Готіо, правда, полагаетъ, что литовскія діалектическія формы *ē*, *ij* (по Куршату и Явнису *y*, т. е. *ē*), *eī* (съ узкимъ *e*), замѣнившія собою прабалтійское *eī*, могли возникнуть только изъ общелитовскаго *ieǰ*. По моему, всѣ эти звуки столь же легко могли образоваться изъ общелитовскаго *ie*: изъ *ie* черезъ *iė* путемъ ассимиляціи могло возникнуть *iǰ* или *ij*, откуда въ части говоровъ *ī* (ср. напр. нѣм. *wīg*, *mīte* изъ дрврхн. *wier*, *mīeta*), въ другихъ же говорахъ *iǰ* путемъ диссимиляціи перешло въ *eǰ*¹⁾ (дифтонгъ *eǰ* часто возникаетъ также изъ *ī*, но здѣсь онъ, кажется, возникъ именно изъ *iǰ*, такъ какъ пралитовское *ī* въ этихъ говорахъ остается неизмѣннымъ; менѣе вѣроятнымъ я считаю возникновеніе этого *eǰ* изъ узкаго *ē*, являющагося вмѣсто *ē* въ части литовскихъ говоровъ). Подобно этому также въ верхнелатышскомъ перешло *ē* въ *ī*, какъ показываетъ, напримѣръ, верхнелат. форма *rīcī* «пять», возникшая именно черезъ *rēcī* изъ **renkī* (если бы въ верхнелатышскомъ *e* передъ тавтосиллабическимъ *n*, какъ въ части литовскихъ говоровъ, перешло въ *i*, то изъ такого **rinkī* черезъ *rīcī* получилось бы **reicī*, ср. напр. верхнелат. *meiksts* «мягкій»=лит. *mīnkštas*). И то обстоятельство, что всѣ нижнелатышскіе говоры имѣютъ такое же *ē* изъ прабалтійскаго *eī*, какъ и большинство литов-

1) Возводя *eī* (изъ *ē*) къ *iǰ* легче объяснить также предложную форму *rgu* въ такихъ лит. говорахъ, которые вмѣсто *ē* вообще имѣютъ *eī* (ср. мои Латышскіе предлоги I 182): это *rgu*, вѣроятно, возникло въ проклитическомъ положеніи еще изъ **rgiǰ* (подобно объясняется предложная форма *nū* въ лит. говорахъ съ *oi* изъ *ū*, ср. I с. I 129¹⁾), и гласный *y* въ *rgu* не подвергся переходу въ *eī*, получившееся только изъ *iǰ*.

скихъ говоро́въ¹⁾, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что еще въ литовско-латышскую эпоху возникло это *ē* изъ *eī*, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы признали бы, что различія между верхне-латышскимъ и нижнелатышскимъ нарѣчьями древнѣе различій между литовскимъ и латышскимъ языками.

Здѣсь мы должны коснуться вопроса, является ли *ē* только литовско-латышскимъ звукомъ, или имѣлъ также прусскій языкъ этотъ звукъ? Большинство ученыхъ (ср. напр. Brugmann Grdr. I² 190, Verneker Preuss. Spr. 132, Фортунатовъ В. В. XXII 172¹, Явнисъ Поневѣжскій у. 104), повидимому, полагаютъ, что прусскій языкъ не зналъ звука *ē*. Другого мнѣнія держится Беценбергеръ (В. В. XXIII 299). Какъ собственно онъ себя представляетъ дѣло, не совсѣмъ ясно для меня²⁾, и поэтому я выпишу здѣсь его слова цѣликомъ: «ich kann mich doch des verdachtes nicht erwehren, dass bereits im Urbaltischen *ei* und *ai* innerhalb gewisser grenzen monophthongisch gesprochen wurden, und dass diese monophthonge im Preussischen im allgemeinen ähnlich behandelt sind, wie *ē* im Žemaitischen (wo *ē*¹ für *ē*... gesprochen wird). Was mich hierzu veranlasst, ist folgendes.

a) Die äussere übereinstimmung von lit. *snēgas*... und slav. *sněgъ*; lit. *tēms*... und asl. *těmъ*; lit. *te-sukē* und asl. *ne-sēmъ*, *nesēte*...

b) Die wörter *gewinna* «sie arbeiten», *gewineis* «knecht», *kylo* «bachstelze», *lipe* «linde», *siduko* «siebtopf», *sixdo* «sand», *semo* «winter», *seamis* «winterkorn»... Am nächsten liegt die verbindung dieses wortes (т. е. *gewinna*) mit. lett. *dzēvūt* «arbeiten» und damit die annahme, dass sein *e* = *ē* = *ē* sei. Mit

1) Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, *ē* въ общемъ является въ латышскомъ въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ литовскомъ; исключеніе составляетъ (съ различіемъ также въ интонаціи) лит. *eiti*; лат. *ēt* или (въ части говоро́въ) *ē̄t* «итти» (въ парадигмѣ этого столь употребительнаго глагола, очевидно, въ литовско-латышскую эпоху еще чередовались акутованное и циркумфлексированное *ei* и *ē*, и обобщеніе того или другого звука произошло только въ эпоху отдѣльной жизни литовскихъ и латышскихъ говоро́въ).

2) Ср. корректурное добавленіе въ концѣ статьи.

voller sicherheit lässt sich letzteres aber nicht behaupten wegen des altlit. gewenti, das achtmal belegt ist. Bei semo und seamis dagegen ist die annahme eines $\bar{e} = \bar{e}$ kaum zu umgehen, und kylo (nebst lipe, siduko und sixdo) scheint mir ebenso $\bar{e} = \bar{e}$ ($> \bar{i}$) vorauszusetzen, wie nordlit. kyle. — (И также Миккола¹⁾ говорить AfslPh. XX 150: «Ich glaube, dass der Schreiber des Vocabulars mit diesem *i* (въ словахъ: kylo, lipe, sixdo) den Diphthong *ie* (\bar{e}) hat ausdrücken wollen. Noch deutlicher geht dies aus den Schreibungen semo, seamis hervor; derselbe Diphthong ist wohl auch mit der Schreibung pralieiton, palletan, praliten gemeint. In Anbetracht dessen kann ich nicht der Behauptung der Verfassers (т. е. Бернекера) «in keiner unserer Quellen zeigt sich eine Spur von \bar{e} » zustimmen»).

c) Das verhältnis von pr. braydis «elen» zu lit. brėdis und lett. brēdis (последнюю форму Беценбергеръ возводитъ къ *brendis и считаетъ лит. и пр. формы заимствованными изъ лат. языка).

Тутъ прежде всего неясно для меня, какой звукъ (\bar{e} или \bar{e}^i или \bar{e}) по мнѣнію Беценбергера получился въ прусскомъ изъ прабалтійскаго *ei*. Затѣмъ я рѣшительно не понимаю, что доказываетъ отношеніе пр. braydis къ лит.-лат. brėdis въ пользу какихъ либо измѣненій въ прусскомъ прабалт. *ei* (или *ai*). И какова эта «äussere übereinstimmung» лит. snėgas и слав. sněgъ (но пр. snaugis!) и др? Вѣдь слав. *ь* образовалось изъ всякаго *oi* и *ai* (и никогда изъ *ei*), и произносилось ли это *ь* подобно лит.-лат. \bar{e} , этого мы не знаемъ. Остаются, значить, только немногія прусскія формы съ *e* (*ea*) и *i*, соответствующія лит.-латышскимъ формамъ съ \bar{e} . Въ большинствѣ же случаевъ во всѣхъ памятникахъ прусскаго языка прабалтійскому *ei* соответствуетъ *ei* (при нисходящей интонаціи $\bar{e}i$), и я думаю, что это *ei* непосредственно

1) Что же касается происхожденія \bar{e} , то Миккола IF. XVI 101 высказалъ намѣреніе показать, что \bar{e} образовалось изъ иде. *ei* (подобно тому какъ онъ лит. *iai* выводитъ изъ иде. *ei*). Прежде, однако, проф. Миккола долженъ былъ бы указать несомнѣнные слѣды иде. *ei* и *ei* въ другихъ иде. языкахъ.

восходитъ къ прабалт. *ei*, а не черезъ *ě*, какъ *ei* въ части жемайтскихъ говоровъ: въ литовско-латышскомъ параллельно съ *ě* изъ *ē* (изъ *ēi*) сформировалось *ī* изъ *ō* (и жемайтскіе говоры, имѣющіе *ei* изъ *ě*, имѣютъ *oi* изъ *ī*), между тѣмъ какъ въ прусскомъ *ō* совпало съ *ā* въ одинъ звукъ, вѣроятно, въ *ā* (ср. мой Латышскіе предлоги I 8 сл.), а съ другой стороны, прусскій языкъ нерѣдко имѣетъ *ai* въ такихъ формахъ, гдѣ въ литовско-латышскомъ является *ě*. Все это, по моему, указываетъ на то, что *ě* возникло не въ прабалтійскую, но въ литовско-латышскую эпоху. И если прусское *ei* (*ēi*) въ большинствѣ формъ восходитъ непосредственно къ прабалт. *ei*, то и рѣдкія *e* (*ea*) и *i* (на мѣстѣ ожидаемаго *ei* въ тѣхъ же памятникахъ, которые обыкновенно представляютъ *ei*), на мой взглядъ, не доказываютъ существованія *ě* въ прусскомъ, но требуютъ другого объясненія. Что касается формъ съ *e* вмѣсто *ei*, то этимологія формъ *gewinna* и *gewineis* сомнительна, такъ что не знаемъ, къ какому прабалтійскому звуку восходитъ ихъ *e*. То же самое слѣдуетъ сказать про *prewerīngiskan* Enchir. 14 и 87 или *prewerīsnan* Ench. 23 «Notdurft», гдѣ Бернекеръ (Preuss. Spr. 133) усматриваетъ префиксъ *prei-*, полагая, что *e* тутъ поставлено вмѣсто *ei*: это я считаю невѣроятнымъ въ виду того, что во всѣхъ трехъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается это слово, оно пишется безъ *i*, между тѣмъ какъ весьма часто встрѣчающійся предлогъ и префиксъ *prei* въ громадномъ большинствѣ случаевъ сохраняетъ свое *i*. Только три раза эта форма является безъ *i*: *pre-mauien* Кат. II (тамъ же: *preu mauian*), *pre-mien* Enchir. 79, *preartue* Voc. 249; въ послѣдней формѣ *i*, находясь между гласными, вѣроятно исчезло и въ произношеніи, между тѣмъ какъ первыя двѣ формы скорѣе всего простыя опечатки, вмѣсто *prei-m.* и *prei-m.* Опечатка, по моему, также *dereis* Enchir. 73 (вмѣсто *deireis* или *direis*) рядомъ съ формами *endeirā* Enchir. 73, *endeirit* 24, *endyritwei* 86, *endiris* 34, *endirisna* 62; Бернекеръ l. c. приписываетъ этому корню *ei*, полагая, что *i* и *e* передаютъ неударяемое *ei*, но такъ какъ и неударяемое *ei* обыкновенно со-

храняется, а въ этомъ словѣ *i* встрѣчается чаще чѣмъ *ei*, то я полагаю, что гласный этого корня восходитъ къ прабалтійскому *ī*, которое въ прусскихъ текстахъ иногда является въ видѣ *ei* (ср. Бернекеръ I. с. 120). Что же касается формы *palletan* Кат. I (рядомъ съ *pralieiton* Enchir. 41, *prolieiton* 42, 44, *proleiton* 43, *praliten*. Кат. II, *islīuns* Enchir. 30), то *e* тамъ или опечатка вмѣсто *ei*, или же передаетъ *ē*, вытѣснившее дифтонгъ *ei* (изъ *ēi*) подъ влияніемъ тѣхъ формъ, гдѣ *ēi* въ положеніи передъ гласными перешло въ *ēj* (подобно тому какъ въ литовскомъ, какъ замѣтилъ Видеманнъ Präter, 81, подъ влияніемъ инфинитива *lėti* возникло новообразование *lėja* вмѣсто **lėja* = лат. *lėju*). Что въ прусскомъ существовала форма прош. времени, точно соотвѣтствующая лат. *lėju*, это показываетъ форма *part. praet. act. islīuns* Enchir. 30, гдѣ *ī* правильно передаетъ прабалтійское *ē* (ср. Бернекеръ I. с. 136 сл.), такъ что *islīuns* соотвѣтствуетъ лат. *izlėjis* (относительно утраты *j* между гласными ср. формы *biātwei*, *bia*, *cgixtia* и др. Бернекеръ I. с. 164 сл.). Въ Кат. I, гдѣ встрѣчается *palletan*, *ē* сохраняется (ср. *turrettwey*, *lesuns*, *edeitte*); а въ Кат. II, гдѣ встрѣчается *praliten*, *ē* перешло въ *ī* (ср. *lysons*, *ydieyti*), такъ что и въ *praliten* *ī* (если оно не опечатка вмѣсто *ei*) могло образоваться изъ *e*, вытѣснившаго путемъ аналогіи первоначальное *ei*. Если это такъ, то форма *palletan* или *praliten* представляетъ собою морфологическое новообразование по отношенію къ *proleiton* Enchir. 43 (въ формахъ же *pralieiton* и *prolieiton* *i* послѣ *l* обозначаетъ смягченіе предшествующаго согласнаго, ср. Бернекеръ I. с. 164). Форма *semo* Voc. 14, наконецъ, или описка вмѣсто **seimo*, или же (какъ, можетъ быть, и нѣкоторыя другія изъ вышеприведенныхъ формъ съ *e* вмѣсто *ei*) имѣеть *e*¹)

1) Ср. также *devus* у Симона Грунау рядомъ съ частымъ *deiw-*. Если *e* въ *semo* дѣйствительно передаетъ *e* (изъ *ei*), то надо полагать, что оно первоначально возникло въ тѣхъ падежахъ, которые имѣли удареніе на коренномъ слогѣ. Съ *seamis* ср. *goaban* Voc. 467 (: лит. *raibas*, лат. *raibs*), *moasis* Voc. 261 и 516, гдѣ *oa* (= *ā*) изъ *āi* (ср. *sroauno* Voc. 387) изъ *āi* (изъ *ai*) при нисходящей интонаціи (ср. Фортунатовъ В. В. XXII 171 сл. и Бернекеръ Pr. Spr. 257).

изъ *ēi* (изъ *ei* при нисходящей интонаціи), подобно тому какъ въ (лат.) Угаленскомъ говорѣ, какъ выше указано, говорятъ *tēks* рядомъ съ *tēks*. И какъ *zēm̄is* (изъ **zēimis*), по моему, слѣдуетъ читать также *seamis* Voc. 257: *ea* здѣсь такъ же передаетъ открытое *e*, какъ въ *teansis* Voc. 254, *greanste* 305, *geasnis* 753, *readey* 482, *mealde* 52 и въ старолитовскихъ текстахъ (ср. *Bezzenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr.* 23 сл. и *Вольтеръ Лит. катих. Даукши LXXI* сл.). — Что же касается формъ съ *i* вмѣсто ожидаемаго *ei*, то формы *dineniskas* *Enchir.* 23 (рядомъ съ частымъ *dein-*) и *diwūtiskan* *Enchir.* 26 (рядомъ съ частымъ *deiŵ-*) по всей вѣроятности простыя опечатки вмѣсто *deineniskas* и *deiŵūtiskan* (между тѣмъ какъ Бернекеръ l. c. 133 полагаетъ, что *i* тутъ передаетъ неударяемое *ei*, которое однако обыкновенно сохраняется). Въ формахъ же *kylo* Voc. 771, *lip̄e* 601, *sixdo* 26 *i* по мнѣнію Бернекера l. c. 256 передаетъ весьма закрытое *ei*, но обыкновенно этотъ двугласный передается посредствомъ *ei* или *ey*, и не имѣемъ мы также никакого права считать пр. *ei* закрытымъ: простой гласный *e* въ прусскомъ несомнѣнно произносился открыто (какъ и въ литовскомъ), и поэтому естественнѣе думать, что также въ *ei* (какъ и въ лит. *ei*) *e* произносилось открыто (ср. *taukowins* Кат. I рядомъ съ частымъ *teik-*, *praŵ* 2 раза въ Кат. I рядомъ съ частымъ *prei*, *san-day* у Симона Грунау, ср. *Фортунатовъ В. В. XXII* 172¹, рядомъ съ частымъ *deiŵ-*). Столь же невѣроятно для меня мнѣніе Микколы, что *i* въ этихъ словахъ передаетъ *ë*: звукъ *ë* передается въ старолитовскихъ текстахъ посредствомъ *ie* или *e*, въ старолатышскихъ текстахъ посредствомъ *e* или *eh*. И признавая мнѣніе Микколы, мы лишаемъ себя всякой возможности выяснить судьбу прабалтійскаго *ei* въ прусскомъ. Если *i* (*y*) въ этихъ словахъ не описка вмѣсто *ei* (*ey*), то оно въ *kylo*¹) и *sixdo* обозначаетъ долгое или краткое *i*, чередующееся съ *ë* въ лит. *kēlé* и *žēgzdros*. Формы же *lip̄e*¹) и *siduko* Voc. 353

1) Подобное мнѣніе высказалъ уже *Фортунатовъ В. В. XXII* 170.

представляютъ собою скорѣе всего заимствованія изъ славянскаго (какъ относительно *siduko* полагаетъ также Миккола *Baltisches und Slavisches* 16).—Итакъ, приходимъ къ заключенію, что прабалт. *ei* въ прусскомъ сохранилось, переходя при нисходящей интонаціи въ *ēi* (откуда изрѣдка *ē*).

Остается намъ говорить еще объ *ē* въ начальныхъ и суффиксальныхъ слогахъ. Видеманнъ, вообще не признающій возникновенія *ē* изъ *ai* (*oi*), допускаетъ переходъ *ai* (*oi*) въ *ē* въ началѣ слова и полагаетъ, что въ конечныхъ слогахъ даже всякое *ai* (*oi*) перешло въ *ē* (*Präteritum* 16 сл., 31, 201, *Handb. d. lit. Spr.* 13, В. В. XXVIII 41). Для *ē* изъ начального *ai-* (*oi-*) приводятся лит. *ēšmas*, лат. *ēsms*: пр. *ausmis* Voc. 363, гр. *αἰχμή*, и лит. *v-ėnas*, лат. *v-ēns*: пр. *ains*, гот. *ains*, дринл. *oen*, дрлат. асс. *s. oino*[m], гр. *οἶνή*. Возможность, конечно, не исключена, что начальное *ai* (*oi*) подверглось такимъ измѣненіямъ, которыя не касались неначального *ai* (*oi*). Есть, однако, слова съ начальнымъ *ai-* (лит. *áidyti*, *áiškus*, *aitrūs*, *áitvaras*, *aižyti* и др., лат. *ailis*, *aiza*, *aicināt* и др.), и возводя *ē* въ *ēšmas* и *v-ėnas* къ *ai* (*oi*), мы допускаемъ полный произволь въ фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, такъ какъ нельзя объяснить, почему *ai-* (*oi-*) то сохраняется, то измѣняется въ *ē-*. И соответствующія формы родственныхъ языковъ насъ вовсе не принуждаютъ возводить *ē* въ *ēšmas* и *v-ėnas* непременно къ *ai* (*oi*), такъ какъ мы и здѣсь можемъ имѣть дѣло съ чередованіемъ гласныхъ. Что касается пр. *ausmis* (слова, встрѣчающагося всего одинъ разъ), то не исключена возможность¹⁾, что его *au* восходитъ къ прабалтійскому *ei*, такъ какъ въ Voc. вмѣсто открытаго *e* весьма часто, особенно въ началѣ слова, пишется *ā*; гр. же *αἰχμή* также по своему окончанію не вполне соответствуетъ балтійскимъ формамъ. Формы же лит. *v-ėnas*, лат. *v-ēns* теперь, правда, имѣютъ *v* въ началѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что это *v* сравнительно

1) Эту возможность слѣдуетъ имѣть въ виду также въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, какъ напр. въ пр. *braudis*: лит. *brėdis*, лат. *brēdis*.

поздняго происхожденія, при чемъ я теперь считаю наиболѣе вѣроятнымъ, что такое *v* (подобно *j* въ другихъ случаяхъ) первоначально вставлялось во избѣжаніе зіянія послѣ словъ, оканчивающихся на гласный. Явленіе это мы наблюдаемъ какъ въ славянскихъ (ср. напр. Pedersen KZ. XXXVIII 311 сл., Brugmann Grdr. I² 943 и Kurze vergl. Gramm. 280), такъ и въ балтійскихъ языкахъ (ср. напр. Brugmann Grdr. I² 940, Wiedemann Handb. d. lit. Spr. §§ 56 и 67 и мои Латышскіе предлоги I 44). Но приняло ли *vēnas* свое *v*- только послѣ возникновенія *ē*, этого мы не знаемъ. И ничто намъ не мѣшаетъ возводить *ē* и здѣсь къ *ei*, хотя и прусскій языкъ здѣсь указываетъ на иде. форму съ *oi-* (einan Enchir. 73 рядомъ съ частымъ ain- скорѣе всего опечатка вмѣсто ainan). На чередованіе гласныхъ въ этомъ корнѣ указываютъ также слав. ед-ьнѣ, лит. inas «bloss», «lauter» (Geitler, Beitr. zur lit. Dialektologie 45 сл.), in «она» (Лит. хрест. 337, 18; если изъ *inà), лат. viñš «онъ» (ср. Prellwitz, Etymol. Wrtb. der gr. Spr.² 325; *v*- въ viñš можетъ быть такого же происхожденія, какъ и въ *vēnas*, и относительно значенія ср. скр. ēna- «онъ», ср. Brugmann Kurze vergl. Gramm. § 441, 1). Въ виду всего этого я полагаю, что также въ *ēšmas* и *vēnas* *ē* возникло изъ *ei*.

Переходя, наконецъ, къ *ē* въ суффиксальныхъ слогахъ, остановимся сперва на *ē* въ конечныхъ слогахъ. При этомъ я, имѣя въ виду посвятить въ недалекомъ будущемъ особую статью латышскому вокализму конечныхъ слоговъ, здѣсь не стану говорить о происхожденіи каждаго окончанія съ *ē* въ отдѣльности. Теперь будетъ достаточно установить, что въ конечныхъ слогахъ *ē* восходитъ по всей вѣроятности не только къ *ei*, но также къ иде. *ai* и *oi* (по господствующему мнѣнію это не подлежитъ никакому сомнѣнію). Самымъ убѣдительнымъ примѣромъ для конечнаго *ē* изъ *ai* я считаю окончаніе пом., асс. *du*. основъ на *-ā*: лит. *gerē-jī*, *tē-dvi* (: слав. тѣ, ржцѣ), гдѣ въ иде. праязыкѣ окончаніемъ по всей вѣроятности было *-ai*. Въ другихъ же случаяхъ, гдѣ часть родственныхъ языковъ указываетъ на иде. *oi* въ окон-

чанин, не исключена возможность, что съ этимъ *oi* чередовалось *ei*. Такъ это по всей вѣроятности было въ пом. pl. основъ на -o мѣстоименной (и въ части иде. языковъ въ послѣдствіи также именной) флексіи. На это указываютъ, какъ замѣтили Бругманъ Grdr. II 790 и Бернекеръ Pr. Spr. 202, пр. nom. pl. *tennei* (встрѣчается 6 разъ) рядомъ съ *stai*, *schai*, *quai* и др., лит. *dēvai*, gen. pl. *stēi-son*, *schīēi-son*, *tennēi-son* (: слав. тѣ-хъ), dat. pl. *stēi-mans*, *tennēi-mans*, лит. *tēms*, *gerēms*, лат. *tēm* (: слав. тѣ-мъ; *ē* въ первоначально двусложныхъ формахъ лит. *tēms*, лат. *tēm* съ удареніемъ на начальномъ слогѣ непременно восходить къ *ei* въ виду всего того, что выше сказано о происхожденіи *ē*). Конечное *ē* изъ *ai* (*oi*), вѣроятно, получило такимъ путемъ, что *ai*¹⁾ въ положеніи послѣ ударенія (въ односложныхъ формахъ въ энклитическомъ положеніи) перешло въ *ei* и затѣмъ вмѣстѣ съ первоначальнымъ *ei* черезъ *ē* въ *ē*. Переходъ *ai* въ положеніи послѣ ударенія въ *ei* мы наблюдаемъ и въ современныхъ лат. говорахъ: ср. Зельзаускія формы *ādumeis* (= *ēdamais*), dat. s. *va sei* (изъ *vęcai*), *lopei* (изъ *lapai*, В. В. XVI 335); nom. s. *balteis* изъ *baltais* въ части сѣверозападныхъ лат. говоровъ (Мюленбахъ же IF. XVII 426, по моему, неправильно²⁾ приписываетъ возникновеніе окончанія -eis вліянію прилагательныхъ на -eis изъ -ējs); dat. s. *sūkei* изъ *sūkai* (Строкенъ, Руденъ, Вормень, Цирау), и далѣе *sūkē* изъ *sūkei* (Апприкенъ, Шнепельнъ, Гриккенъ, Кабилленъ, Маткульнъ и др.). Первоначальное же конечное *ei*, вѣроятно, перешло въ *ē* (черезъ *ē*) какъ подъ удареніемъ (какъ въ коренныхъ слогахъ), такъ и въ положеніи послѣ ударенія (въ окончаніи dat. s. основъ на -*īē*, напр. лит. *žēmei*, -*ei* изъ *ēi* держалось или было восстановлено подъ вліяніемъ окончанія -*ai* основъ на -*ā*),

1) Конечное *ai* изъ *āi* не измѣнилось въ *ei*, какъ показываетъ напр. лит. dat. s. *tai*, *gaikai*.

2) Какъ легко и незамѣтно переходитъ *ai* въ положеніи послѣ ударенія въ *ei*, показываетъ то обстоятельство, что иногда намъ трудно было слышать, говорится ли *ai* или же *ei*.

между тѣмъ какъ (коренное) *ei* въ положеніи передъ удареніемъ, какъ выше изложено, сохранилось (такъ объясняется и сохраненіе *ei* въ лит. *beĩ* «и», *neĩ* «ни», являющихся обыкновенно въ проклитическомъ положеніи: *neĩ jõks* «никакой», но: *pẽkas* «никто, ничто», *pẽkuig* «нигдѣ», *pẽkaip* «никакъ», и подѣ вліяніемъ этихъ формъ также *pẽkadà* «никогда»). — Въ суффиксальныхъ же (неконечныхъ) слогахъ *ë*, кажется, восходитъ исключительно къ *ei* (рядомъ съ *ë* въ такихъ слогахъ встрѣчается *ai*, но никогда *ei*). Это суффиксальное *ë* является или подѣ удареніемъ или же въ положеніи послѣ ударенія, такъ что о возникновеніи его слѣдуетъ сказать тоже самое, что и о конечномъ *ë*. Примѣры: лит. *Ragain-ėnas* «ein Ragniter», fem. *Ragainėnė*, *karalėnė* «королева», *vẽšpatėnė* «госпожа», лат. *kēpiņēne* «королева» и др.; лит. *raūtėnė* «яичница», *vakarėnė* «ужинъ» и др.; лит. *mėnėsėna* «лунный свѣтъ», *jautėnà* «говядина», *rugėnà* «поле, засѣянное рожью» (слова на *-ėnà* не во всѣхъ падежахъ имѣютъ удареніе на концѣ, ср. *Kurschat Gramm.* § 623), лат. *eglėne* или *eglėns* «сельникъ», *gāvėnis* «болотина», *tālėne* «даль» и др.; лат. *sitėns* «ударъ», *lēcėns* «прыжокъ» и др. (Лескинъ, *Bildung der Nomina* 412, сравниваетъ слав. звѣро-ядина); лит. *vókėtis*, лат. *vācėtis* «нѣмецъ», лат. *sēvēte* «женщина» и др.

Корректурное добавленіе къ стр. 58.

Послѣ того какъ эта статья была передана редакціи, вышла статья Бецценбергера *KZ* 41, 65 слл., посвященная вопросамъ прусскаго языка, гдѣ на стр. 123 говорится, что «das Preussische in einer früheren Zeit das litauisch-lettische *ë* (*i*) besessen... und... zu *ei* verwandelt hat... Weshalb *ë* nicht immer durch *ei*, sondern auch durch *ai* vertreten... ist, wird Sache einer eigenen Untersuchung sein müssen». Въ виду всего вышеизложеннаго я и теперь, къ сожалѣнію, не могу согласиться съ проф. Бецценбергеромъ.

И. Эндзелинъ.
